

УДК 398.8

DOI: 10.18413/2075-4566-2018-43-2-252-258

КАРАГОД КАК КОД «ЖИТИЯ» РУССКОГО НАРОДА**KARAGOD AS THE CODE "LIVES" OF THE RUSSIAN PEOPLE****О.Н. Кудымова, М.С. Жиров, О.Я. Жирова****O.N. Kudymova, M.S. Zhirov, O.Ya. Zhirova**Белгородский государственный институт искусств и культуры,
308033, Россия, г. Белгород, ул. Королева, 7Belgorod state Institute of arts and culture,
7 Koroleva St., Belgorod, Russia, 308033

E-mail: Zhirov MS@bgiik.ru

Аннотация

Статья раскрывает некоторые теоретические и практические аспекты жанра «карагод» – одного из самых архаичных форм традиционной музыкальной культуры славянских народов, которая развивалась по своим законам, отражая менталитет, систему ценностей, национальные черты характера создателей и носителей традиционной культуры русского народа, уровень их художественно-творческого самовыражения.

Abstract

The article reveals some theoretical and practical aspects of the genre "Karagod" – one of the most archaic forms of traditional musical culture of the Slavic peoples, which developed according to its laws, reflecting the system of values, national character traits of creators and bearers of tradition, the level of their artistic and creative expression. Karagod is a special cultural-historical phenomenon in the system of genres of music of the Slavic peoples. He is endowed with a specific set of artistic and expressive means, due to the functions in culture, open to interaction with other vocal and instrumental genres, thus performing a unifying, consolidating, communicative role in the creation of the "product" of folk music.

Ключевые слова: культура русской провинции, терминология, карагоды, хороводы, танки, народный танец, обрядовая семантика, музыка, танец, игровое действие, музыкальное творчество, духовная практика народа, южнорусская певческая традиция.

Keywords: culture of the Russian province, terminology, Karagod's, round dances, tanks, folk dance, ritual semantics, music, dance, game action, musical creativity, spiritual practice of the people, South Russian singing tradition.

Культура российской провинции, благодаря своей укоренённости в традиции, оказалась менее подвержена вызовам современности, сохранив множество ценностных духовно-практических начал славянской цивилизации в таких её проявлениях как народная песня, народный танец, народная игра, обрядовый фольклор, народное музыкальное творчество и исполнительство. Как показывает анализ, многие элементы этих уникальных памятников духовной и материальной культуры несут в себе её архаичные черты и свойства, сохраняемые силой традиции, народной памяти, творческого гения народа. В ряду наиболее загадочных и, на наш взгляд, менее изученных в культурологических аспектах (теоретическом и прикладном) являются хороводы.

В народной терминологии они именуются близкими по определению понятиями: «карагоды», «караводы», «корогоды», «круги», «танки», «улица». По назначению и содержанию хороводы представляют собой сложный комплекс песенно-танцевальных, ин-

струментальных и игровых явлений и текстов и одновременно самостоятельную форму духовной практики народа, которая развивалась по своим законам, отражая менталитет, национальные черты характера носителей, уровень творческого, культурного, ценностного измерения человеческой личности создателей.

Этот постулат подтверждается этимологическим сходством данных определений:

– «хоровод – русская народная игра – движение людей по кругу с пением и пляской, а также вообще цепь вставших в круг людей – участников, какой-нибудь игры» [Ожегов, 1981, с.771];

– «хоровод – древнейший вид народного танцевального искусства; сочетает хореографию с драматическим действием, пляской, песней. Встречается у многих народов» [СЭС, 1987, с.1471];

– «хороводъ – или харагодъ и карагодъ, юж. кругъ, танокъ, улица, собрание сельских девокъ и молодёжи обоого пола на вольномъ воздухе для пляски съ песнями; хороводныя песни, особыя, протяжныя, и хороводная пляска, медленная болье ходьба, нередко съ подражанием въдвиженьяхъ словамъ песни» [Даль, 1999, с.561]. По свидетельству В.И. Даля, танок представляет собой хоровод, игровую пляску, круг, улицу [Даль, 1999, с.390].

По утверждению О.А. Пашиной, «термин “хоровод“ в восточнославянских языках может обозначать: 1) всякое гулянье, веселье на открытом воздухе; 2) толпу, сборище людей; 3) песенно-хореографический жанр восточнославянского фольклора» [Пашина, 2009, с.109], что вполне согласуется с вышеобозначенными трактовками.

В широком значении слово «хоровод» совпадает с крестьянским понятием «улица», «широкая улица». Так называлось место (луг, выгон, невысокий пригорок), где водили карагоды, подтверждая бытующие до сих пор в сельской среде выражения: «собрался карагод», «окарагодили (окружили) гармонистов». Здесь собирались в праздничные дни сотни людей, чтобы вместе попеть, поплясать, поиграть, пообщаться на бытовые и житейские темы. «Словарь русских говоров» также указывает на другие значения слова «карагод» – праздничное сборище людей; укладка снопов из десяти бабок; твёрдо закреплённое в каждом селе место для карагодов: «на плану», «зли клуба», «у саду» и др.

В среднерусских и южнорусских говорах понятие «улица» широко используется в период весенне-летних гуляний в таночных и карагодных песнях: «Ах, улица, наша, улица, а улица наша ровныя» (Грайворонский район Белгородской области); «Улица, улица, да улица широкая» (Яковлевский район Белгородской области); «А на улице, на улице ж широко, да на мураве зеляно» (Прохоровский район Белгородской области).

Столь же широко на территории Белгородчины известны наименования «гулянье», «гулянка», «гульба», «гульбище», обозначающие увеселения молодёжи в тёплое время года: «Ой, гульба, моя, гульба, гульба воли не дала» (Валуийский район Белгородской области); «Я гуляю на гульбе, завсегда милая на уме», «На гульбу иду – семьярых вяду»; «Ох, да ты, гольбушка – гульба, развесёлая была» (Прохоровский район Белгородской области).

В середине XIX века бытописатель здешних мест А.С. Машкин указал на одну из таких особенностей гульбы: «Народное веселье и забавы летом и зимой состоят преимущественно из игрищ на улицах. В праздничные дни молодёжь, одевшись в нарядное платье, собирается на улицу, составляет хоровод, по-здешнему «карагот» (карагод). Девки, молодые бабы становятся в кружок, взявшись за руки, ходят по кругу, поют, пристукивая ногами в такт песне, а молодые парни среди круга, закинув шапку набекрень, пляшут, высказывая друг перед другом своё искусство. Сюда собираются также сельские музыканты, и, после пения в хороводах, начинается пляска под музыку» [Машкин, 1862, 27].

Для обозначения этого песенно-хореографического жанра широко используется и термин «танок», имеющий общий корень со словом танец, ввиду чего песни называются таночными, танковыми. Существует версия, что слово «танок» связано с русским словом

«тын» (плетень, тынок), «ряд кольев, переплетённых хворостом, напоминает ряд певцов, взявшихся за руки» [Веретенников, 1993, с.68].

Для нас более аргументированным является довод об общности танка с танцем, поскольку хореография выступает неотъемлемым компонентом структуры синтетического хороводного текста. Более того, определённая хореографическая композиция в танке всегда имеет строгую закреплённость за конкретным напевом и даже песней. Богатейшая орнаментальность танков: «вилёк», «у рядок», «в четыре ряда», «поясок», «журавль», «ворота», «плетень», «ручеек», «капустка», «кривой» и др. – свидетельство обрядовой семантики хореографических рисунков, направление движений которых в течение весны менялись, сообщая на своём языке об изменениях в природном мире и поведении участников игр [Берштам, 1991, с.137].

Вождение танков в ранневесенний период подтверждает их особую обрядовую функцию в аграрном цикле, наличие «говеенских» танков – строгую приуроченность к Великому посту. Наличие в танках ведущего (танководник, хазун), умеющего организовать его пространственное воплощение, возрастной ценз участников (девушки брачного возраста и молодки, не родившие детей), подтверждает особую статусность данного жанра. В карагоде же все участники равны по статусу вне зависимости от возраста и пола. Исключение составляют музыканты – участники внутреннего круга и искусные танцоры. Карагод – самая демократичная форма досуга, выполняющая коммуникативную, социально-регулирующую функцию, ввиду чего выступает централизующим компонентом системы музыкальных жанров. Как видим, хоровод являет собой синкретичный вид народного творчества, объединяющий в разных соотношениях песенную или инструментальную музыку, танец и игровое действие с целью удовлетворить собрание сельского населения на вольном воздухе посредством творческого самовыражения в пляске с песнями.

Безусловно, в период своего зарождения хороводы несли в себе действия продуцирующего типа, способствующие росту культурных растений: льна, конопли, мака. Свидетельством тому служат широко распространённые у русских названия весенних хороводов: «Просо», «Мак», «Лён» [Агапкина, 1992, с.50].

Весенние танцы и хороводы, исполняемые только девушками и молодками на возвышенностях, в южнорусской песенной традиции также осмысливаются как действия продуцирующего типа. Хлопки об пол ладонями в карагодной «Сею, вею, беленький ленок» села Куськино Чернянского района Белгородской области воспринимаются как ритуальные действия, направленные на гармонизацию природных сил земли, способствующих произрастанию и поднятию ввысь злаков.

Как правило, тексты таких песен имеют магическое содержание, заклинающее плодородие: «уродися, мой ленок, да под самый потолок»; «где хоровод ходя, там жито родя» (Красненский район Белгородской области). В Белоруссии бытовал обряд «заскакванья» – затанцовывания весны: обходя дворы, молодёжь кружилась в хороводе вокруг каждого с пожеланиями хорошего урожая, приплода скота, здоровья хозяевам.

Связь с древними заклинательными обрядами обусловили тематическую направленность хороводных (карагодных) песен, в которых представлены мотивы и взаимосвязь аграрно-промыслового и любовно-брачного содержания:

Эх, я посеяла лянку,
В чистом поле в уголку.
Уродился мой ленок,
Тонок, долог и высок.

(с. Камызино Красненского района Белгородской области);

Ой, кумушки, да подруженьки,
 Да сходитесь, да вы на улицу.
 Говоритя речи, пословицу
 Про своих мужьёв хороших.
 (с. Афанасьевка Алексеевского района Белгородской области);
 У ворот винограда, у ворот зеленая.
 Да потому, эх, зеленому, да молодец гуляя,
 Виноградью да ломая, к сабе девок бая.
 (с. Афанасьевка Алексеевского района Белгородской области).

Семицко-троицкие праздники и обряды, любовно именуемые народом «семиковой» или «зелёной» неделей, напрямую связанные с древним культом растений, духов растительности земли-матушки, умерших предков, также сопровождалась вождением карагодов вокруг берёзки, липы, в ряде мест Белгородчины – вокруг яблони. Согласно народному поверью, верхушки деревьев и ветки являются средоточием особой силы роста, которую надлежит использовать посредством их завивания, убранства жилища, крещения похорон «кукушки», вождения танков и карагодов «на гранях» как «способа уловления и сохранения этой силы» [Пропп, 2000, с.73].

На бытовом уровне понятия «хоровод» и «карагод» имеют определённое различие. Так, например, в белгородских сёлах под карагодом понимают не только движущих, поющих и танцующих в кругу людей, но и собравшихся вместе, стоящих рядом, способных и готовых в любой момент войти в активную художественную форму самовыражения. Движущим фактором этого была высокая певческая и хореографическая этнокультура народа, который «владел своим родным музыкальным и пластическим языком и поэтому творил. Драматургия и композиция действ диктовалась устоявшейся традицией, условиями жизни, отношением к наследию» [Веретенников, 1993, с.17].

Поэтому вокруг «играющих» песню всегда собирался ещё один круг потенциальных исполнителей, активных соучастников действия, поскольку они по-своему входили в него, подпевая, украшая песню хлопками, выкриками, притопами. По существу, это была своего рода прелюдия для вхождения в соответствующий песенный образ с целью пополнения «основного» состава карагода.

Согласно мысли М.С. Жирова, «на юге России понятие «карагод», кроме движения по кругу, имеет и более широкое этнокультурное значение, включающее:

- ритуальное движение по кругу, как солярному знаку. Результат этого движения – гармонизация сил, необходимых для роста любого социального или биологического побега;
- приуроченность к важнейшим для земледелия временам года (радуницкие, троицкие, всевятские, петровские, пятницкие, николевские, ивановские, ильинские, успенские семенинские, капустинские, покровские);
- наличие двух субъектов действия – ведомого и водимого, разыгрывающих драматическое действие;
- фигуры-символы карагода, элементы его хореографии подтверждают солярную природу, основу драматической сути как гармонизацию двух начал, связь с древними восточными космогоническими теориями рождения мира» [Жиров, 2000, с.46].

Следовательно, хоровод – одна из самых архаичных форм традиционной культуры славян, известная современникам по наскальным рисункам со времён палеолита. Науке неизвестно, у какого народа хороводы зародились. Как отмечает И.П. Сахаров, история не имеет верного указания, когда на Руси начались хороводы, равно как и источников «указывающих прямо на появление их в Русской земле и поэтому все предположения остаются ничтожными» [Сахаров, 1990, с.134].

Далее исследователь «преданий старины глубокой» полемизирует по поводу утверждений филологов о том, что «хоровод» производится от греческих и латинских слов: от греческого «Χοροῦ αἴτεο» – ступаю в хор; латинцы отыскивали созвучие у Горация в IV книге, 7 оде – *hogos ducere* – вести хоры, лики [Сахаров, 1990, с.134-135]. Этнограф подвергает сомнению факт заимствования русского хоровода из латинского выражения Горация. Хороводы распространены у многих народов, в том числе у всех славянских, ввиду чего их названия в ряде языков близки или совпадают: «коровод» – украинское; «карагод» – белорусское; «хоро» – болгарское; «хори» – сербско-хорватское; «хорэ» – молдавское; «оро» – македонское; «ehorovod» – чешское; «horovod» – польское; «kortane» – венгерское; литовско-руссы хоровод переименовали в «корогод»; богемцы, хорваты, карпато-руссы, морлаки, далматы обратили его в «Kolo» – круг. Славянское «коло» также сопровождалось песнями, играми как и русский хоровод. Здесь нужно только учесть известную редукцию р/л и переход «коро» в «кара» в диалектной акающей языковой среде.

В русском языке слова «водить», «предводитель», «воевода» имеют ту же структуру слова, что и хоровод; корни – «вод», «год» и греческий «гет» означают одно явление. Слово «год» < «гот» < «гет» = «кат» в близком к значению слов «водить, предводить» > «предводитель, вождь, царь» существовало в середине II тысячелетия до н.э. в индоевропейской языковой среде Эгейского бассейна и в Малой Азии. Отсюда возникает справедливая ассоциация с такими понятиями, как «солнце», «круг», «колесо», т.е. хороводы включали различные комбинации движущихся по солнечному кругу фигур, ввиду чего хороводные песни называются круговыми, и становится понятным смысл выражения «водить хоровод».

Исследователи объясняют это культом солнцу, гор, холмов, например, весенние обряды в честь солнца (хорса), которые сопровождалась зажиганием огней [Зуева, 1998, с.80], выполняющих функцию защиты от враждебных сил. Круговое движение против солнца связано с противопоставлением понятий: светлый/тёмный; зло/добро; жизнь/смерть. По мнению А.В. Юдина, хоровод, идущий в обратном направлении, «посвящён антимиру, где всё наоборот» [Юдин, 1999, с.146].

Первое письменное упоминание о хороводах обнаружено в стихах Гомера, где описываются не простые, а сложные хороводы с разными композиционными фигурами сплетения танцующих: «...юноши в хоре и девы, для многих желанные в жены, за руки взявши друг друга, на этой площадке плясали <...> быстро они на проворных ногах в хороводе кружились, так же легко, как в станке колесо под рукою привычной, <...> или плясали рядами, один на других надвигаясь, много народу теснилось вокруг, восхищаясь прелестным тем хороводом». Таково поэтическое описание очень развитой пляски в соединении с музыкой и пением, изображённой на щите Ахилла [Гомер, 1986, Ил. XVIII 530-606]. Вызывает интерес терминология Гомера, связанная с пением, музыкой и танцами. Так, термин *τοῖρον* означает не только «пение» [Гомер, 1986, Ил. I 472, XVIII 606, Од. I 159. XXI 430], но и «игру в соединении с пением» (Гимн. XIX 24 – Пан «радует свой дух звонкими песнями с пляской»). Есть и глагол *τεῖρον*, означающий не только «пою» [Гомер, 1986, Ил. XVIII 604; Од. IV 17, XIII 27, Гимн. XIX 23], но и «прославляю играми, пением, пляской» [Гомер, 1986, Ил. I 472 – 474].

Девушки в белых одеяниях составляли суть хороводных танцев греческих религиозных обрядов. В Древнем Риме хороводы также были основой священных обрядов: перед изображением богов девушки пели благодарственные гимны. В последствие хороводы в культуре греков и римлян получили такую популярность, что превратились в народную забаву, выйдя за рамки религиозных обрядов.

Древнегреческий философ Платон в своём последнем произведении «Законы» свидетельствует в пользу хороводов, в которых участники объединяются в песнях и плясках, наделённые богами чувством гармонии, ритма, сопряжённым с удовольствием. По мысли философа, в божественных празднествах с участием Муз, Аполлона, Диониса происходит

первоначальное воспитание детей, а также исправление недостатков воспитания искусством, в частности, занятиями прекрасными телодвижениями и прекрасными песнями.

Платон подчёркивал, что истинное мерило муссического искусства – удовольствие, полученное людьми, наделёнными добродетелью и хорошим воспитанием. С их природой и привычками к согласуются как хороводные слова и напевы, так и сами хороводы, имеющие серьёзную цель – достичь гармонии. «Тот, кто не упражнялся в хороводах, человек невоспитанный, а кто достаточно упражнялся, тот воспитан» [Платон, с.366].

Как видим, хоровод у Платона трактуется как наиболее цельное, синтетическое искусство, способствующее формированию души и тела человека. Более того, мыслитель создал собственную классификацию танцев. Именно Платону принадлежит мысль об основах песен и пляски как изначально присущих людям, что полностью подтверждается феноменальной многовековой творческой практикой народа, где каждый возрастной период человека, начиная с детских лет, сопровождался определёнными хороводами, играми, плясками, формирующих ценностный кодекс «жития русского человека».

В монографическом исследовании В.М. Щурова «Южнорусская песенная традиция», понятия «хоровод», «танок», «пляска» не дифференцируются, выступая синонимами: «Место календарных обрядовых в данном районе прочно заняли сезонные хороводные (карагодные) и их особая разновидность – «таночные» песни, <...> чередовались хороводные игры и пляски» [Щуров, 1987, с.51]. Аналогичной точки зрения придерживается И.Н. Карачаров: «В сельской традиции основными формами бытования хороводно-плясовых песен являются танки и карагоды» [Карачаров, 2004, с.17].

Поскольку хороводы (в народе – карагоды) и танки являются базовым компонентом певческой традиции многих регионов России, в том числе Белгородского, оказывая существенное влияние на другие музыкальные жанры, следует указать их отличительные особенности. По утверждению М.С. Жирова, это «позволит не только описывать предыдущие формы музыкального фольклора, но и «читать» его современные проявления и образования, а возможно и прогнозировать будущие» [Жиров, 2011, 25]. Полагаем, обоснование принципа единства противоположностей этих двух жанров (хороводы, танки) представляется значимым с точки зрения их оппозиции на уровне:

– этнографического контекста (взаимосвязь, функции, назначение, мотивация, ритуально-мифологический смысл, мифоэпическая основа, семантика, календарная приуроченность, иерархическая статусность участников и др.);

– культурно-исторического явления (генезис, эволюция, трансформация, миропонимание и музыкальное мышление народных исполнителей, их система ценностей, духовная сущность, формы проявления этнической ментальности в творческом процессе и др.).

Таким образом, карагод – это особое культурно-историческое явление в системе музыкальных жанров славянских народов. Он наделён специфическим набором художественно-выразительных средств, обусловленных функциями в культуре, открыт для взаимодействия с другими вокально-инструментальными жанрами, таким образом выполняя объединяющую, консолидирующую, коммуникативную роль в созидании «продукта» народного музыкального творчества.

Список литературы

References

1. Агапкина Т.А. О некоторых магических действиях в масленичной обрядности славян. Фольклор и этнографическая действительность. СПб.: Наука : С.-Петербург. отд-ние, 1992: 201.

Агапкина Т.А. Some magical action in the end of the rites of the Slavs. Folklore and ethnographic reality. SPb.: Nauka : S.-Peterburg. otd-nie, 1992: 201.

2. Берштам Т.А. Совершеннолетие девушки в метафорах игрового фольклора: (традиционный аспект русской культуры). Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб.: Наука : С.-Петербург. отд-ние, 1991: 318.

- Bershtam T.A. The age of the girl in the metaphors of playing folklore: (the traditional aspect of Russian culture). Ethnic stereotypes of male and female behaviour. SPb.: Nauka : S.-Peterburg. otd-nie, 1991: 318.
3. Веретенников И.И. Южнорусские карагоды. Белгород: Везелица, 1993: 114.
Veretennikov I.I. Southern Russian karagods. Belgorod: Vezelitsa, 1993: 114.
4. Гомер. Илиада; Одиссея. Пер. с древнегреч. Н. Гнедича, В. Жуковского; [Предисл. А. Нейхардта; Худож. Б. Машрапов]. - Алма-Ата : Мектеп, 1986: 638,
Homer. The Iliad; The Odyssey . Trans. with ancient Greek. N. Gnedich, V. Zhukovsky; [Pref. A. Neukhardt and; Artist. B. Mashrapov]. - Alma-Ата: Мектеп, 1986: 638.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Том 4. М.: Изд-во «Русский язык», 1999: 683.
Dal' V.I. Explanatory dictionary of the living great Russian language. Tom 4. M.: Izd-vo «Russian language», 1999: 683.
6. Жиров М.С. Народная художественная культура Белгородчины. Белгород, 2000: 266.
Zhirov M.S. Folk art culture of Belgorod region. Belgorod, 2000: 266.
7. Жиров М.С. Теоретико-методологические подходы к исследованию музыкального фольклорного наследия. Музыкальное наследие народных исполнителей: к проблеме преемственности. IV Всероссийские (с международным участием) научно-творческие «Маничкины чтения». Белгород, 17-18 марта 2011. Отв.ред. О.Я. Жирова. Белгород: БГИИК 2011: 374.
Zhirov M.S. Theoretical and methodological approaches to the study of musical folklore heritage. Musical heritage of folk artists: to the problem of continuity. IV all-Russian (with international participation) scientific and creative «Manichkiny reading». Belgorod, 17-18 march 2011. Otv.red. O.Ya. Zhirova. Belgorod: BGIK 2011: 374.
8. Зуева Т.В. Кирдан Б.П. Русский фольклор: Учебник для высших учебных заведений. М.: Флинта: Наука 1998: 400.
Zueva T.V. Russian folklore: a Textbook for higher educational institutions. M.: Flinta: Nauka 1998: 400.
9. Машкин А.С. Быт крестьян Курской губернии Обоянского уезда: этнограф. вып.5. СПб., 1862.
Mashkin A.S. The life of the peasants of Kursk province Oboyanskaya County: ethnograph. vup.5. SPb., 1862.
10. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Под ред. Н. Ю. Шведовой. 13-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1981: 816.
Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language. Ed. N.Yu. Shvedova. 13 reduced., ispr. M.: Rus.lan., 1981: 816.
11. Пашина О.А. Ранневесенние хороводы. Народное музыкальное творчество: Учебник. Отв.ред. О.А. Пашина. СПб.: Композитор, 2009: 568.
Pashina O.Ya. Early spring dances. People's musical creativity: Textbook. Otv.the editorship of O. A. Pashina. SPb.: Composer, 2009: 568.
12. Платон «Законы». Книга 2. Афинянин. Санкт-Петербург: Наука, 2014: 517.
Platon «Laws». Book 2. Athenian. Sankt-Peterburg: Nauka, 2014: 517.
13. Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. Опыт историко-этнографического исследования: собр. трудов. М., Лабиринт, 2000: 186.
Propp V.Ya. Russian agricultural holidays. Experience of historical and ethnographic research: Sobr. trudov. M., Labirint, 2000: 186.
14. Сахаров И.П. Сказание русского народа: Народный календарь. Обраб. текста и предисл. А.Г. Кифишина. М.: Сов. Россия, 1990: 176.
Saharov I.P. The tale of the Russian people: folk calendar. Obrab. text and Preface. A. G. Kifisia. M.: Sov. Russia, 1990: 176.
15. Советский энциклопедический словарь /гл.ред. А.М. Прохоров. Изд. 4-е. М.: Советская энциклопедия, 1987: 1600.
Soviet encyclopedic dictionary /gl. rent. A. M. Prokhorov. Reduced. 4-E. M.: Soviet encyclopedia, 1987: 1600.
16. Щуров В.М. Южнорусская песенная традиция. М.: «Советский композитор», 1987: 304.
Shchurov V. M. South Russian song tradition. M.: «Soviet composer», 1987: 304.
17. Юдин А.В. Русская народная духовная культура. М.: Высш. Шк., 1999: 331.
Yudin A. V. Russian folk spiritual culture. M.: Vyssh. Shk., 1999: 331.

УДК 304.3

DOI: 10.18413/2075-4566-2018-43-2-259-264

ОБРАЗ ЖИЗНИ КАК ДЕТЕРМИНАНТА СУДЬБЫ ЛИЧНОСТИ**LIFESTYLE AS A DETERMINANT OF THE FATE OF THE INDIVIDUAL****А.А. Радугин, Е.В. Романова****A.A. Radugin, E.V. Romanova**

Воронежский государственный технический университет,
Россия, 394006, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д.84

Voronezh State Technical University,
84 20-letiya Oktyabrya str., Voronezh, 394006, Russia,

e-mail: aradugin@yandex.ru; ijaane@vandex.ru

Аннотация

Образ жизни личности – это, в определенном смысле, вечная философская проблема. Актуальность исследования вопроса образа жизни в современную эпоху определяется теми колоссальными сдвигами, которые происходят сегодня в обществе под влиянием социальных трансформаций. Цель статьи – в рамках изучения основных стратегий поведения раскрыть определяющую роль в судьбе личности ее образа жизни. Методология: экзистенциалистская установка – «существование предшествует сущности». Применительно к нашей проблеме этот тезис означает признание приоритета жизненных практик для формирования внутреннего мира личности. В ходе исследования было показано, что понятие «образ жизни» отражает своеобразный жизненный мир, в котором на основе характерного для данного мира набора стереотипных мировоззренческих представлений, ценностей и ментальных установок реализуются соответствующие поведенческие практики, а также выстраиваются определенного типа взаимодействия и взаимоотношения между людьми.

Abstract

The authors reveal the determining role of lifestyle in the fate of the individual. The way of life in the research was shown as an integral system of ingrained life practices and main regulator of all life of the individual. We can say that the lifestyle puts human activity on certain tracks and then life rolls automatically to a large extent. Loss of the well-established lifestyle means termination of the old determinants and the acquisition of psychological freedom of personality. But the burden of freedom for many people is excessive burden, and if they do not manage to build a new effective way of life, through the acquisition of new determinants, the personality may experience psychophysiological or social degradation.

Ключевые слова: образ жизни, детерминанты, стратегии жизненных практик, успех, судьба.

Key words: lifestyle, determinants, strategies of life practices, success, fate.

Введение

Образ жизни личности — это, в определенном смысле, вечная философская проблема. На основе различных ценностных установок ее решали представители многих школ древнегреческой философии. Сократ, Платон и Аристотель пропагандировали добродетельный образ жизни. Эпикурейцы выдвигали в качестве мудрого образа жизни наслаждение. Стоики настаивали на внутренней свободе как необходимом атрибуте образа жизни и т.д. Но стоит отметить, что образ жизни личности как вечная философская проблема в различных исторических условиях находил принципиально различные реше-

ния. Актуальность исследования этой проблемы в современную эпоху определяется теми колоссальными сдвигами в социальной реальности, которые происходят в результате процессов глобализации и информатизации общества. Под воздействием этих процессов произошел кардинальный сдвиг в способе самоопределения в мире личности, который проявляется, прежде всего, в усиливающейся социальной и интеллектуальной мобильности [Розенберг, 2013]. Эта мобильность обусловлена появлением новых сфер деятельности, большого количества новых профессий, интернационализацией рынка труда.

Интеллектуальная мобильность, разрушив замкнутость и заданность социальных структур, породила необыкновенную свободу в социокультурном пространстве жизни. Стремительные карьерные взлеты и падения, неожиданные профессиональные зигзаги стали характеристикой нового способа самореализации человека в эпоху информатизации и глобализации [Bořjas, Doran, 2013].

Следует отметить, что образ жизни в различных аспектах изучается представителями многих социогуманитарных наук: культурологии, социологии, истории [Возьмитель, 1991, 2013, 2016, 2017; Зайцева, 2013; Duncan, 2013; Keere, 2014; Cottingham, 2016]. Предметом нашего исследования является философский аспект образа жизни, а именно, его экзистенциальное значение для личности. По нашему мнению, с философских позиций образ жизни личности выступает как ее судьба.

Объекты и методы исследования

В начале исследования уточним нашу трактовку понятия «образ жизни». Понятие «образ жизни» отражает своеобразный жизненный мир, в котором на основе характерного для данного мира набора стереотипных мировоззренческих представлений, ценностей и ментальных установок реализуются соответствующие поведенческие практики, а также выстраиваются определенного типа взаимодействия и взаимоотношения между людьми. Следует отметить, что проблема экзистенциального смысла личности получила эвристическую разработку в экзистенциализме Жана-Поля Сартра. Мы постараемся использовать его методологию, предложенную в работе «Экзистенциализм — это гуманизм», применительно к проблеме образа жизни личности. По словам Сартра, основная методологическая установка, из которой исходит экзистенциализм — «существование предшествует сущности» [Сартр, 1989]. Применительно к нашей проблеме эта установка означает признание приоритета жизненных практик для формирования внутреннего мира личности.

Экзистенциализм рассматривает личность как активного субъекта, строящего свой мир, свое «Я», свои личностные качества. Фундаментальной характеристикой личности является свобода. В методологии экзистенциализма индивид сам выбирает свою линию поведения, характер жизненных практик. Способность или неспособность к выбору отличают человека как индивида и человека как личность. Личность может выбрать действительные практики или недеяние. И она, как субъект выбора, ответственна перед собой (как и перед всем миром) за результаты своего выбора. Своим выбором личность проектирует будущее, свою судьбу (как и судьбу всего мира).

Следовательно, образ жизни, жизненные практики формируют ценностно-смысловую сферу личности, детерминируют таким образом последующую линию поведения личности и проектируют ее судьбу в этом мире. Или, выражаясь языком Сартра, проектируют ее идею, ее «сущность». Конкретно же «существование» реализуется через выбор различных стратегий жизненных практик.

Результаты исследования

В настоящее время существует несколько определений понятия «жизненная стратегия». Впервые этот термин был раскрыт Шарлоттой Бюлер. Жизненный путь личности она определила как индивидуальную и личную жизнь в ее динамике [Bühler,

1933]. К. А. Абульханова-Славская в своей известной монографии «Стратегия жизни» отмечает, что жизненная стратегия в самом общем виде – это постоянное приведение в соответствие своей личности (ее особенностей) и характера, и способа своей жизни, построение жизни, сначала исходя из своих индивидуальных возможностей и данных, а затем из тех, которые вырабатываются в жизни [Абульханова-Славская, 1991]. Х. Томэ стратегией называет сознательно запланированное, регулируемое намерением действие личности, составляющее небольшую часть ответов личности на тяготы жизни [Гришина, 2013]. Исследователи выделяют две противоположные стратегии образа жизни: активную и пассивную. Активная стратегия образа жизни связана с выбором жизненных практик, нацеленных на самоутверждение личности. В чем же состоит содержательное наполнение этой стратегии? Прежде всего следует отметить, что самоутверждение человека чаще всего носит сознательный, целенаправленный характер. Человек, как правило, делает самоутверждение целью своей деятельности и сознательно решает, какими средствами, в какой области будет пытаться реализовать цель. Как отмечает Л.С. Перевозчикова, «самоутверждение выступает как пожизненный процесс, в ходе которого в условиях собственной активности личность реализует не только социально обусловленную потребность взаимодействия с себе подобными, но и свою самость. Существовая в системе определенных социальных связей, доказывая необходимость и правомерность своих действий, идей, своего конкретного решения, личность доказывает свою человеческую состоятельность» [Перевозчикова, 2008].

Следует подчеркнуть, что самоутверждение человека в мире всегда предметно. Принципиально важным является то, какая сила побуждает человека к самоутверждению, откуда проистекает его потребность в самоутверждении. По нашему мнению, решающим фактором для самоутверждения являются ценностные установки. От этих установок зависят энергетические аспекты актов самоутверждения: их импульсы, потенциал, содержательное наполнение. Исследователи отмечают, что активная стратегия образа жизни на уровне личности в самых различных социокультурных условиях направлена прежде всего на ее развитие, самоутверждение через расширение границ. В безграничном мире, в котором пребывает человек, для его самоутверждения большое значение имеет его способность перестраивать границы собственной личности. Изменение личностных границ происходит в течение всей жизни человека. В. Франкл считал, что истинное бытие человека проявляется в его способности выходить за пределы себя. В своей книге «Человек в поисках смысла» он писал: «Мы встречаемся здесь с феноменом, который я считаю фундаментальным для понимания человека: с самотрансценденцией человеческого существования! За этим понятием стоит тот факт, что человеческое бытие всегда ориентировано вовне на нечто, что не является им самим, на что-то или на кого-то: на смысл, который необходимо осуществить, или на другого человека, к которому мы тянемся с любовью. В служении делу или любви к другому человек осуществляет сам себя. Чем больше он отдает себя делу, чем больше он отдает себя своему партнеру, тем в большей степени он является человеком и тем в большей степени он становится самим собой. Таким образом, он, по сути, может реализовать себя лишь в той мере, в какой он забывает про себя, не обращает на себя внимания» [Франкл, 1990]. В. Франкл границы личности ставит в зависимость от способности человека понять, принять и реализовать свои ценностные смыслы.

Как справедливо считают исследователи социальных процессов в нашей стране, в социальной реальности современной России энергетической силой, побуждающей к самоутверждению, очень часто выступает ценность личного и социального успеха. Стремление к обретению успеха, демонстрация символов успешности, следование стандартам успешности являются неотъемлемыми атрибутами личностей с данной стратегической установкой. Социальный успех может проявляться в различных сферах и на разных уровнях: в общественной деятельности и в частной сфере, в сферах карьерных достижений и

семейных ролевых позиций, в рамках социальной адаптации или социальной состязательности и социального лидерства, на уровнях различных социальных институтов и т.д.

Успех носит результирующий характер в той мере, в какой он выступает в качестве следствия реализации личностно-значимых и социально-одобряемых целей. Успех как социальное явление в современном российском обществе зачастую может напрямую не связываться с достижениями конкретного человека, а выступать в качестве самодостаточной социальной ценности. Он объективируется и включается в систему социальных отношений как эталон, социальный императив, определенное социальное качество, которое детерминирует и мотивирует поведение других людей. Это означает, что феномен успеха становится социальным фактом, значимым элементом социальных отношений. Как отмечает О. И. Якутина, «успех в качестве социального факта, то есть как социальное явление, выходит за рамки субъективной человеческой индивидуальности, личностных свершений, объективируется, приобретает самостоятельный социальный статус и в этом качестве существует вне и независимо от сознания индивида, то есть становится существующим вне его творца, оказывает принудительное воздействие, побуждая, мотивируя и детерминируя других достичь данного образца» [Якутина, 2011]. Таким образом, социальный успех — это тип целесообразных целедостижительных практик, базирующихся на мотивациях лидерства, самоутверждения и самореализации и, соответственно, это способ воплощения этих практик в конкретной социальной реальности. Успешными социальными практиками можно считать такие практики, когда их результаты обладают социальной и личностной значимостью и соответствуют первоначально поставленным целям.

Важнейшим фактором достижения успеха на личностном уровне является обладание социальным интеллектом. Социальный интеллект — это, прежде всего, приспособленность индивида к конкретному социальному бытию [Ganaie, Mudasir, 2015]. Вместе с тем, социальный интеллект предполагает запас социального знания. Само знание, как известно, имеет социальную природу и содержит в себе характеристики того общества, которыми было порождено. Социальное знание формируется, когда люди в своей повседневной жизни оценивают и интерпретируют ситуации и условия, в которых они живут и действуют, накапливая личный биографический и исторический опыт. Весь этот опыт превращается в определенную схему интерпретации мира. Таким образом, социальный интеллект — это интегральная способность личности, определяющая успешность общения и социальной адаптации, уровень адекватности и успешности социального взаимодействия [Grieve, Witteveen, 2014].

Можно выделить внешние и внутренние критерии успешного образа жизни. С внешней стороны критерии успешности образа жизни — это материальный достаток и социальное благополучие личности. Внешние формы успеха выражаются и в таких параметрах социального бытия субъекта, как социальный престиж, социальная репутация, социальный статус. Данные характеристики социального положения делают успех общественно осязаемым, и возводят успешного индивида в ранг социально состоявшихся, успешных личностей. В общественном сознании успешную личность высоко оценивают как «человека сделавшего самого себя». Такая оценка говорит о социальном признании ответственности личности за свою судьбу. Мы согласны с такой оценкой, но нам хотелось бы отметить, что «делают сами себя» не только успешные личности. Не отрицая определенной роли антропологических и социальных условий жизнедеятельности людей, мы считаем — не следует оправдываться внешними обстоятельствами. Все люди субъекты деятельности, взаимодействий и отношений. И неудачники, неустроенные личности «делали себя сами». И при таком развитии их судьбы также имел значение образ жизни, совокупность реализованных ими жизненных практик. В этом аспекте можно рассмотреть ряд сценариев.

Во-первых, сценарии, связанные с социальными ролями. Например, молодая успешная девушка, ведущая активный образ жизни, ориентированная на самоутверждение посредством карьерного роста, выходит замуж, рождает детей и таким образом принимает

роли жены, матери, воспитательницы и др. Этот новый ролевой набор диктует ей изменение образа жизни, препятствуя реализации прежних ценностных установок. Если этот процесс растянулся на долгие годы, то женщина теряет прежние навыки, квалификацию и путь реализации прежних социальных установок закрыт в том случае, если она не позаботилась о своем интеллектуальном росте.

Во-вторых, сценарии, продиктованные научно-техническим прогрессом и связанные с изменением технологического уклада, формированием информационного общества. И здесь возможен первый сценарий, связанный со сменой профессии. Как известно, в условиях четвертого технологического уклада началось формирование цифрового общества, основным элементом которого является цифровая экономика. Этот процесс в значительной мере меняет общественные и производственные процессы, модифицируя и упраздняя многие профессии. Адекватным ответом на эти изменения социальных условий является стремление личности к освоению новых профессий, которые будут востребованы в изменившихся условиях [Антонова, 2014; Соловьев, 2013; Шумахова, 2016]. Применительно к нашей теме это означает стремление к изменению образа жизни, обретению нового образа жизни, адекватному запросам нового времени.

И третий сценарий, когда личность бежит от проблем реального мира в виртуальное пространство. И это тоже выбранная им судьба.

Можно еще привести много примеров, показывающих как образ жизни, выступая в качестве организующей структуры жизнедеятельности личности, поднимает ее на вершины или опускает, определяя ее судьбу.

Заключение

Мы ставили перед собой цель в рамках изучения основных стратегий поведения раскрыть определяющую роль в судьбе личности ее образа жизни. Были рассмотрены различные стратегии образа жизни – активная и пассивная. Активная стратегия связана с самоутверждением личности, достижение успеха. В социальной реальности современной России энергетической силой, побуждающей к самоутверждению, очень часто выступает ценность личного и социального успеха. В ходе исследования было показано: образ жизни как целостная система укоренившихся жизненных практик выступает в функции главного регулятора всей жизнедеятельности личности. Можно сказать, что образ жизни ставит жизнедеятельность человека на определенные рельсы и потом жизнь катится в значительной мере автоматически. Потеря прежнего образа жизни означает прекращение действия старых детерминант и обретение личностью психологической свободы. Но бремя свободы для многих людей оказывается непосильной ношей, и если им не удастся выстроить новый эффективный образ жизни, «встать на новые рельсы», через обретение новых детерминант, то у личности может наступить психофизиологическая или социальная деградация. Таким образом, мы делаем вывод, что образ жизни, выступая в качестве организующей структуры жизнедеятельности личности, имеет для нее экзистенциальное значение, а именно: через существование (набор определенных стереотипных жизненных практик) он определяет ее сущность, которую можно трактовать как судьбу данной личности.

Список литературы References

1. Абульханова-Славская, К. А. Стратегия жизни [Текст]: монография / К. А. Абульханова-Славская. – М.: Мысль, 1991. – 299 с.
2. Антонова М.А., Различные подходы к понятию «Информационная культура», Альманах современной науки и образования, № 3 (82) 2014, С.30-32
3. Возьмитель А. А. Концептуальные основы социологии образа жизни // Вестник Института социологии. 2017. № 23. С. 13-44.

4. Возьмитель А. А. 1991. Образ жизни: от старого подхода к новому // Социально-политические науки. № 1. С. 85–91.
5. Возьмитель А. 2013. Образ жизни: тенденции и характер изменений в пореформенной России. М.: Институт социологии РАН. 230 с.
6. Возьмитель А. А. 2016. Социальное неравенство и его риски в советской и постсоветской России // Власть. № 8. С. 5–13.
7. Гришина Н.В., Психология социальных ситуаций [Текст] / сост. и общ. ред. Н. В. Гришиной. – СПб.: Питер, 2001. – 416 с.
8. Зайцева Т.А., Культура повседневности в контексте проблемы идентичности, Вестник Томского государственного университета, 2013, Культурология и искусствоведение № 4(8)
9. Н. В. Розенберг, Образ жизни как онтологическая сторона культуры повседневности, Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство», 2013 № 1(1)
10. Перевозчикова Л.С. Аксиологические основания гуманистической парадигмы. в культуре информационного общества. Диссертация на соиск. уч. степени доктора филос. наук. по специальности 09.00.13. –Религиоведение, философская антропология, философия культуры. Тула. 2008. –С.177.
11. Сартр Ж-П., Экзистенциализм - это гуманизм. В кн.: Сумерки богов. М.: "Политиздат", 1989. с. 319-344.
12. Соловьев А.В., Культура информационного общества: учебное пособие. – М.: Директ-Медиа, 2013. – 276 стр.
13. Франкл В. Человек в поисках смысла. М. Прогресс 1990.- С.29-30.
14. Шумахова З.Н. Становление и развитие понятия «информационная культура личности» (ИКЛ) / З.Н. Шумахова, А.Э. Токтанызова // Педагогический опыт: теория, методика, практика : материалы VIII Междунар. науч.–практ. конф. (Чебоксары, 13 июня 2016 г.) / редкол.: О.Н. Широков [и др.] – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2016. – № 3 (8). – С. 43-47.
15. Якутина О. И. Социальные практики успеха: Дискурс повседневности и социально-философское понятие. Дис. представленная д-тр. философ. наук. Ростов – на / Д - С. 45.
16. Borjas G. J., Doran K. B., Cognitive Mobility: Labor Market Responses to Supply Shocks in the Space of Ideas Journal of Labor Economics, 2015, vol. 33, no. 3, pt. 2
17. Bühler Ch. Der menschliche Lebenslauf als Psychologisches Problem. — Leipzig, 1933
18. Cottingham, J, Philosophy and Self-improvement Continuity and Change in Philosophy's Self-conception from the Classical to the Early-modern Er, Стр.: 1-324, BLACKWELL SCIENCE PUBL, OSNEY MEAD, OXFORD OX2 0EL, ENGLAND, 2016
19. De Keere. From a self-made to an already-made man: A historical content analysis of professional advice literature, ACTA SOCIOLOGICA Том: 57 Выпуск: 4 Стр.: 311-324, 2014
20. Ganaie M.Y., Mudasir H., A Study of Social Intelligence & Academic Achievement of College Students of District Srinagar, J&K, India. J Am Sci 2015;11(3):23-27
21. Duncan A., Reimagining the Self-Made Man: Myth, Risk, and the Pokerization of America, Western Journal of Communication, 2013, Volume 78, 2014 - Issue 1